

("Костер" и "Фарфоровый павильон" Н. Гумилева. Петроград, 1918)

Источник: Н. С. Гумилёв: PRO ET CONTRA

Оригинал здесь: Николай Гумилёв : электронное собрание сочинений. <http://gumilev.ru/>.

Гумилева знают. Гумилев популярен. Наперекор всем историко-литературным хитросплетениям. Ничего не желая об этих хитросплетениях знать, своенравная публика отдает Гумилеву предпочтение и перед его учителями, и перед его соратниками. Несомненный учитель Гумилева -- Брюсов, "поэтический дядька" всех тяготеющих к французской пышности и пряности словесной и картинной; но о Брюсове поахали в свое время и забыли его, как только он начал появляться в академическом сюртуке, как только стал скучен; Гумилеву же еще далеко до академической одежды, он "свой человек" и в костюме спортсмена, и в походном френче. Есть и другой учитель у Гумилева -- тот неожиданный в свое время поэтический отшельник, у которого так повадно было учиться "остроте". Ибо каждое движение его воистину было заострено. Это Иннокентий Анненский, но Анненско-го "свет узнал и раскупил", а там забыл еще более благополучно, чем Брюсова. *Ant mortuis nihil bone**, как говорит чеховский "оратор" [1].

Еще меньше хотят знать поклонники Гумилева о литерат<ур-ных> товарищах и учениках Гумилева: какое им дело, что поэт считал себя (а может быть, и до сих пор считает) командиром нового целого взвода так называемых "акмеистов". Услышав новый термин, публика захотела, конечно, узнать его значение, но, не получив удовлетворительного ответа, зевнула и успокоилась: на ее отношении к Гумилеву это не отразилось.

Надо быть справедливым к Гумилеву: он не делал ничего предосудительного, чтобы влюбить в себя публику. Он отнюдь не потакал, например, ее тяге к изменчивой злободневности. Правда, в начале войны он принял участие в вакханалии военного стихотворчества. Но и здесь, хотя и примкнул к "оправдывающим", остался оригинален: патриотические неистовства подогревались не им, другими. Не потакал он и спросу на дешевый эротизм под сентиментальным соусом -- вообще за публикой не бегал.

Привлек он ее к себе другими качествами: доступностью, занимательностью, живописностью и, пожалуй, пикантностью, но не в дурном смысле. Отвергнув лирические тенденции символистов, сочтя предрассудком их тягу к музыке, он стал заботиться о тщательной лепке и раскраске каждого стихотворения. И они уже не сливались в читательской памяти в одну массу: каждое слово жило своей жизнью. Каждое имело вес, форму, цвет. Они сыпались из книг его как пряники: вот пряник-рыба, вот пряник-лошадь, а вот король с королевой, все замешанные на меду, вкусно и сладко выпечены, ярко расписаны и внутри каждого -- перец-имбирь или другая пряность.

Открываю новые книги Гумилева -- "Фарфоровый павильон" и "Костер". Первая -- целиком состоит из пряников -- по китайскому рецепту. Пряники сыплются и из второй. Вот, напр<и-мер>, что удалось сделать Гумилеву, какое изображение его остановилось на теме невского ледохода:

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман --
Их горестное заточенье:
Сам Ледовитый океан
Идет на их освобожденье.

("Ледоход". "Костер", с. 15)

Не правда ли, прочитав эти строки, нельзя удержаться от улыбки -- но не насмешливой, а ласково-поощрительной, чуть ли не такой, которой мы встречали наиболее удачные словосочетания Игоря Северянина? Гумилев не такой озорник, как Северянин, он не все, а только кое-что принесет в жертву остроте и пряности, -- зато, вероятно, он и не "выскочит из ландолета девушками окруженный"². Но историки нашей поэзии вспомнят, что первый голос, раздавшийся в защиту фокуснической ловкости